

ДОКУМЕНТ В РУКАХ ПИСАТЕЛЯ

2204

«У этой правды есть адреса, номера телефонов, фамилии, имена. Она живет в ленинградских квартирах, часто с множеством дверных звонков — надо только нажать нужную кнопку, возле которой значится фамилия, записанная в вашем блокноте. Ожидавшая или не ждавшая вашего посещения, вашего неожиданного интереса, она взглянет на вас женскими или неженскими, но обязательно немолодыми и обязательно взволнованно-оценивающими глазами («Кто?.. Почему?.. Зачем им это?»). Проведет мимо соседей к себе и скажет тоже почти обязательно: «Сколько лет прошло... Забывается все».

Так начинают свое повествование Адезь Адамович и Даниил Гранин. Недавно вышедшая «Блокадная книга», воссоздающая жизнь и подвиг осажденного Ленинграда, стала заметным событием. Авторы обошли сотни квартир людей, переживших блокаду, записали их рассказы, чтобы потом собрать их и донести живые голоса очевидцев до современника. В этой книге нет художественного вымысла, авторы присутствуют в ней скрупулезно строкками комментария, но, быть может, от этого она стала еще более значительной, ее страницы, наполненные свидетельствами быта блокадников, явились ярким документом подвига.

Адамовичу и Гранину удалось собрать тысячи страниц воспоминаний ленинградцев, а сколько писатели просмотрели дневниковых записей! «Теперь это и нашей памяти боль и богатство», — признаются они на страницах книги.

Сама эпоха определила столь пристальное внимание к документу, и неудивителен необыкновенно возросший интерес к такому жанру литературы, как документальная проза. Как требование времени мы воспринимаем появление новых и новых талантливых работ, в которых писатели обращаются к прошлому — будь то годы Великой Отечественной или первых пятилеток, октябрьские события или бои гражданской войны... Не будем говорить о границах, разделяющих, скажем, мемуары фронтовиков и исторический роман. Нам важнее сейчас отметить одно: современник, осмысливающий свою жизнь, желающий идти в ногу со временем, должен хорошо знать и понимать путь, пройденный своим народом. Отсюда и массовый интерес к первоисточнику, документу, отсюда охотное желание литераторов работать с исторической темой, под которой — оговоримся сразу — не следует понимать лишь события седой старины.

Более того, нынешнее время, насыщенное грандиозными событиями, тоже дает большие возможности для творчества литераторов-документалистов. Созидательная деятельность советских людей, осваивающих нефтяную целину Западной Сибири, возводящих энергетические гиганты на могучих реках, преобразующих российское Нечерноземье, прокладывающих БАМ, запечатлевается писательским пером в талантливых произведениях.

В свое время Горький высказал мысль о том, что никогда еще искусство слова не служило так усердно и так успешно делу познания жизни. Конкретно речь шла у него о развитии советской очеркистики. Но сегодня это изречение можно толковать много шире: фронт наиболее активных, боевых жанров литературы проходит ныне не только через очерк.

Искусство не только познает, но и сохраняет. Документ представляет собой реликвию времени. Если он хранится в архиве, то принадлежит единицам, десяткам специалистов, знающих его, но, будучи влетен в ткань писательского повествования, он уже собственностью миллионов, обретает необычайную силу художественности.

Огромный исторический материал накоплен и осмыслен в творческой лаборатории Александра Чаковского. Роман писателя «Блокада» сразу вызвал читательский интерес, многолетний труд А. Чаковского над этим произведением отмечен Ленинской премией. Сегодня прозаик уже познакомил нас с главами новой крупной книги — «Победа».

Эстафету от старших принял среднее и молодое поколение советских писателей.

Не так давно, делая своими творческими планами, Валентин Распутин говорил о своем желании написать книгу о Байкале. «Думаю, каждый писатель не должен чураться документального жанра», — добавлял он, — и не только не чураться, но относиться к нему, как к чести для себя».

Политическими хрониками назвал свой четырехтомник «Альтернатива» писатель Юлиан Семенов. Автор прослеживает судьбу талантливого советского разведчика Владимира — Исаева — Штирлица на протяжении пяти десятков лет. И примечательно, что заповь первому произведению серии — «Бриллианты для диктатуры пролетариата» дает ленинский Декрет «Об учреждении Государственного хранилища ценностей республики». Что в романе «Пароль не нужен» использованы стенограммы распоряжений Блюхера, ноты правительства Советской России зарубежным державам, подписанные наркомом иностранных дел РСФСР Чичерным.

Искусно влетены документы и в художественную ткань романа Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого». Роман о буднях фронтовых контрразведчиков Богомолов насытил текстами шифротелеграмм, которыми обмениваются руководители и офицеры органов контрразведки, — здесь приказы, оперативные распоряжения и донесения, материалы розыска вражеских агентов, различные сводки... Все это делает происходящие события еще более достоверными, нас ни на минуту не покидает чувство реальности действия, хотя, конечно, мы понимаем, что в данном случае документы, приводимые писателем, вовсе не обязательно взяты им из какого-то действительно существующего архива...

Но было бы неправильным считать, что достаточно писателю воспользоваться важными документами, включив их в текст, и произведение станет современным, вызовет немалый читательский интерес. «Художническое сознание отрицает тщательный рисунок по кальке, лженатуральное фотографирование явлений окружающего нас мира, и поэтому даже диалоги, услышанные в самой гуще живой жизни, требуют при переводе их на бумагу скрупулезного просева. И тут на помощь приходит строгое чувство меры, чувство «соразмерности и сообразности», точнее — писательский вкус и эстетическая культура, которая связана с интуицией, неотъемлемой категорией любого творчества», — пишет в своей статье «Критерий — правда» Юрий Бондарев, подчеркивающий в другой своей работе, что «категория правды — это не натуралистический прием, не фотография факта, а философско-нравственная сущность советской литературы, социалистического реализма, которому не чуждо слияние истории, действительности и воображения. Эта «триада» и создает ту художественную правду, что может соперничать с правдой жизни, выражая нравственную суть времени в прозе...» И все же в литературе первое слово за писателями с большим жизненным и душевным опытом, с так называемым запасом биографии.

Интересно, что, когда Юрия Бондарева однажды спросили, придерживается ли он в военных описаниях строгой документальности, прозаик ответил:

— Сухость и предельная строгость по отношению к документам, которые нельзя подправить, — критерий историка, а не писателя. Писатель воздействует на читателя системой характеров. Показывая жизнь и происходящие в ней процессы, он воссоздает исторически правдивые картины. Но понятия «писатель» и «историк» где-то смыкаются...

Историк. Активный участник жизненного процесса. Созидания, социалистического строительства... Вспомним биографии писателей, вступивших в литературу в первые годы Советской власти, прошедших испытания революционными событиями по дорогам гражданской войны. Фадеев, Островский, Фурманов, Шолохов, Гайдар... Все они — активные участники борьбы за Советскую власть. Можно ли представить «Разгром», «Как закалялась сталь», «Чапаева», «Тихий Дон», «Р. В. С.» в отрыве от имен их авторов, можно ли допустить, что эти произведения созданы авторами, не знакомыми с жизнью народа, не испытанными на себе всю «оптимистическую трагичность» боев за новую действительность?

Так было и на последующих этапах развития отечественной литературы, когда в нее вступали новые поколения талантливых писателей из глубин жизни, народной. И в первую очередь тут нужно назвать писателей фронтового поколения — лейтенантов и рядовых Великой Отечественной.

В чем же заключена эта современная таинственная сила документа, откуда этот феномен интереса к художественному документализму?

«Людей объединяют и разъединяют между собой не столько те или иные факты, сколько их отношение к ним...», — говорил на международном симпозиуме писателей по проблемам документальности в современной прозе Сергей Залыгин. По мнению писателя, документальное произведение «утоляет жажду читателя в фактах первичных, наименее искаженных авторским субъективизмом, но подкрепленных его знаниями, его интеллектом». Субъективность несравнима, интеллект измерим всегда — ведь это уровень знаний, а читателя это в немалой степени интересует — знаток или дилетант автор книги, которую он держит в руках. В своих заметках С. П. Залыгин роняет интересное замечание о том, что документализм предполагает толкование факта не через авторское «я», а через другой факт.

Документальность — это приближение к современности, это обязательно общественно значимая проблема, это публичное утверждение. Именно поэтому мы с уверенностью говорим, что здесь заключен один из дальнейших путей развития социалистического реализма.

Н. ГОРБАЧЕВ,
зам. редактора отдела культуры «Советской России».

27 АПР 1980
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва